

Цзин Цзинши

аспирант

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

г. Волгоград, Волгоградская область

**ОРНИТОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
В ПОЭЗИИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО**

Аннотация: предметом исследования являются образы орнитологического пространства в поэзии Арсения Тарковского. Цель работы – выявить особенности художественной семантики пространственных образов, обусловленных обращением поэта к символике птиц. В ходе исследования был применен системный метод, включающий элементы целостного анализа лирического стихотворения. В результате исследования определены место и роль орнитологического пространства в лирике А. Тарковского разных лет, установлено место орнитологической символики пространства в поэзии А. Тарковского на примере его стихотворений «Первые свидания», «Ялик», «Предупреждение», описаны мотивы и образы, которые являются маркерами орнитологического пространства в лирике А. Тарковского, установлены стилистические особенности поэтического языка А. Тарковского, которые соотносимы с категорией минус-пространства.

Ключевые слова: образ, мотив, орнитологическое пространство, лирика, Арсений Тарковский.

Проблема истоков и художественной семантики орнитологических образов в словесности не раз становилась предметом научного исследования в филологии. Один из значимых аспектов этой проблемы связан с изучением особого пространства, обусловленного обращением к образам птиц в литературе – орнитологического пространства. Терминологически словосочетание «орнитологическое пространство» традиционно используется в ряде естественно-научных дисциплин – прежде всего в зоологии и экологии. Однако и в литературоведческих

работах последних лет к изучению орнитологического пространства не раз обращались литературоведы – сошлемся на работы Н.Е. Тропкиной, У Хань [6; 7]. В нашей статье мы рассмотрим особенности пространства, детерминированного семантикой орнитологических образов, в поэзии А. Тарковского.

Характеризуя орнитологическое пространство в словесности, исследователи отмечают его существенные особенности: «это пространство динамическое, что связано с полетом, медиативное – обитая в стихии воздуха, птицы являются посредниками между земной реальностью и небесным миром, пространство экзистенциальное, так как образ птицы устойчиво связан темой воплощения души, знака судьбы, это сакрализованное пространство» [6, с. 222]. Поэзии А. Тарковского все эти грани художественного топоса в высшей степени созвучны. О. Седакова назвала пространство художественного мира Тарковского «световоздушной, звуковой средой» [4, с.74].

В пространстве поэзии Тарковского, ориентированном на образ мира как вертикаль, образ птицы – одна из составляющих этой картины мира. Стихотворение «Первые свидания», датированное 1962 годом, композиционно содержит две несимметричные части: ко второй относятся последняя и предпоследняя строки, которые перекодируют текст. С.В. Кекова, детально рассматривая структуру пространства в стихотворении, отмечает: «Начало и конец стихотворения представляют «взвихренный», головокружительный образ пространства, узловые пункты которого – земля и небо» [1, с. 26]. В стихотворении возникает картина преображенного пространства, в котором образ птицы занимает особое место. Свойствами птицы наделяется возлюбленная: «Ты была / Смелей и легче птичьего крыла» [5, с. 217]. В этом преображенном пространстве движение человека приравнивается к полету птицы: «горизонтальная линия земного пути («сама ложилась мята нам под ноги») превращается в вертикальную линию небесного пути («и птицам с нами было по дороге»))» [5, с. 218].

Орнитологическое пространство в поэзии Тарковского становится частью картины мира – мира, который населен птицами и наполнен птичьим пением.

Это особенно очевидно выявляется «от противного», в стихотворениях, в которых автор создает образ своего рода «минус-пространства» – пространства пустоты, отсутствия, миражности. Так стихотворение «Ялик» относится к многочисленным произведениям, в которых автор обращается к воспоминаниям детства. Характерный для лирики Тарковского мотив зрения / слепоты оборачивается в тексте стихотворения прямым обращением к «глазному хрусталику», однако зрение оборачивается миражом, видением, бредом:

Что ты бредишь, глазной хрусталик?

Хоть бы сам себя поберег.

Не качается лодочка-ялик,

Не взлетает птица-нырок [5, с. 56]

Птица-нырок (нырковая утка), по определению орнитологов – «обитатель водоёмов степей и пустынь» [2, с. 4262]. Нырок обитает преимущественно в водоёмах, богатых зарослями камыша, что вполне соотносится со сквозным мотивом пейзажа в стихотворениях А. Тарковского – камыш упоминается в его поэтических текстах многократно, например, в стихотворении 1933 года, посвященном воспоминаниям о детстве «Река Сугакля уходит в камыш» [5, с. 31]. В другом стихотворении – поэт пишет, вспоминая детство в степном городе Елизаветграде: «...там была / Неспешная и мелкая река – / Вся в камыше и ряске» [5, с. 338]. Отсутствие полета птицы и отсутствие человека уравниваются в стихотворении самой симметричной конструкцией двух строк: обе они начинаются отрицанием и заканчиваются определением-приложением, которое не просто уточняет, но выделяет единичное из ряда подобных – эту симметрию можно выстроить по вертикали: лодочка, птица – ялик, нырок. Мотив отсутствия человека, неподвижности птицы рождает структуру миражного топоса, существующего только в памяти лирического героя стихотворения. Это мир утерянный, недостижимый, запретный («Как ты смел туда заглянуть?»). И знаменательно, что пространству «бескрылому», минус-пространству противопоставлено то, что было когда-то подлинным – «Все, что свято, все, что *крылато*» [5, с. 56] (курсив наш. – Ц.Ц.).

Еще более отчетливо мотив минус-пространства в системе орнитологического топоса у Тарковского прослеживается в стихотворении «Предупреждение». Датированное 1960 годом, стихотворение прочитывается в контексте событий, которые разворачивались в мире в те годы: ожидание возможной атомной войны рождало пророчества о тотальной мировой катастрофе. В стихотворении Тарковского сложная временная структура: современность соотнесена и с категориями прошлого, и с категориями вечности. В апокалипсической картине мира, которую С.В. Кекова определяет как «авторский эсхатологический миф» [1, с. 34], знаком гибели становится окаменевшая земля и следом за этим – мотив, который может быть определен как структурирующий минус-пространство:

Нам снится немая, как камень, земля
И небо, нагое без птицы,
И море без рыбы и без корабля,
Сухие, пустые глазницы [5, с. 143].

Знаменательно в этих строках определение неба – «нагое». Слово, которое относится к книжной лексике, маркирует высокий стиль речи в стихотворении Тарковского позволяет выявить важную грань орнитологического пространства. В толковом словаре В.И. Даля слово «нагой» толкуется как обнаженный, голый, на ком или на чем нет одежды, коры, шерсти и пр. В поэтическом языке поэзии определение «нагой» метафорически связывается с отсутствием растительного покрова – нагие ветви дерева. В поэзии Тарковского мотив наготы может употребляться в традиционном значении – «безлиственный» («полунагота / деревьев» в стихотворении 1944 года «Какие скорбные просторы...»), при этом мотив наготы у Тарковского устойчиво связан с образами катастрофы, крушения, утраты – например, в стихотворении «Могила поэта», посвященном Н.А. Заболоцкому – «И наготы стояла смерть одна» [5, с. 96], в стихотворении «Полевой госпиталь» – «И я лежал в позоре, в наготы» [5, с. 130]. Н.А. Резниченко пишет об этом: «В мире Тарковского «нагота», как правило, связана с ущербом, «позором», со смертью и даже с концом света» [3, с. 226]. В последнем катрене стихо-

творения «Предупреждение» «нагое без птицы» – это определение неба в апокалиптической картине гибели мира. Орнитологическое пространство соотносится в тексте с топосом неба как нечто, что своим отсутствием лишает мир сущностной составляющей.

В статье мы рассмотрели лишь некоторые грани художественной семантики топоса, связанного с образом птицы в поэзии А. Тарковского. Однако этот материал позволяет определить орнитологическое пространство как важную составляющую картины мира в художественной системе поэта.

Список литературы

1. Кекова С.В. Метаморфозы христианского кода в поэзии Н. Заболоцкого и А. Тарковского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2009.
2. Моргунов Н.А. Регистрация красноногого нырка *Netta rufina* во Владимирской области / Н.А. Моргунов, А.В. Солоха // Русский орнитологический журнал. – 2019. – Т. 28. Экспресс-выпуск 1818. – С. 4162–4163.
3. Резниченко Н. От земли до высокой звезды: мифопоэтика Арсения Тарковского. – Нежин; Киев: Издатель Н.М. Лысенко, 2014. – 272 с.
4. Седакова О. Памяти Арсения Александровича Тарковского // Волга. – 1990. – №12. – С. 174–177.
5. Тарковский А.А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Художественная литература, 1991.
6. Тропкина Н.Е. Орнитологическое пространство русской и китайской поэзии / Н.Е. Тропкина, У Хань // Восток – Запад: диалог культур в пространстве русской словесности: сб. науч. ст. по итогам Шестой Междунар. науч. конф., посвящ. третьей годовщине основания Института Конфуция в ВГСПУ (Волгоград, 14–15 октября 2014 г.) / отв. ред. Н.Е. Тропкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – С. 221–227.
7. Тропкина Н.Е. Художественная семантика орнитологического пространства в русской поэзии XX века // Современное педагогическое образование. – 2019. – №12. – С. 208–210.